

Василенко Ю.В. «Манифест персов», или Верноподданные между традиционализмом и реформизмом. DOI 10.24411/2686-7206-2019-10004 // Антиномии. 2019. Т. 19, вып. 3. С. 84–98.

УДК 329.11:329.3

DOI 10.24411/2686-7206-2019-10004

«МАНИФЕСТ ПЕРСОВ», ИЛИ ВЕРНОПОДДАННЫЕ МЕЖДУ ТРАДИЦИОНАЛИЗМОМ И РЕФОРМИЗМОМ

Юрий Владимирович Василенко

кандидат философских наук,
доцент кафедры гуманитарных дисциплин
Национально-исследовательского университета
«Высшая школа экономики» – Пермь
г. Пермь, Россия
E-mail: yuvasil@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-7865-6497
ResearcherID: M-5692-2015
SPIN-код: 3073-3627
AuthorID: 223012

*Статья поступила 27.05.2019, принята к печати 14.07.2019,
доступна online 07.10.2019*

В начале XIX в. переход от Старого порядка к Новому как либерально-буржуазному в Испании впервые начал осуществляться на Кадисских кортесах двумя политическими силами: революционно настроенными либералами и умеренными либералами (будущими «модератос»). Завершение в 1814 г. Войны за независимость и возвращение короля-традиционалиста Фернандо¹ VII создают в стране «точку бифуркации» – ситуацию, от разрешения которой зависело дальнейшее развитие Испании на среднесрочную перспективу: либо продолжение реформ, либо реставрация Старого порядка. При этом реформистский импульс Кадисских кортесов оказался настолько силен, что даже представители изначально традиционалистской «сервильной партии» формулируют так называемый «Манифест персов», в котором наряду с выражением верноподданнических чувств к королю предусмотрен ряд умеренных политико-институциональных реформ. Несмотря на сокрушительный провал данного проекта и неоднозначность оценок (в то время как левые историки всегда видели в нем лишь проявление антиреволюционной реакции, историки-традиционалисты, начиная уже с середины XIX в. подчеркивают его прореформистские интенции), испанская историография по преимуществу оценивает «Манифест» как эпохальный и в целом конструктивный.

Ключевые слова: «Манифест персов», «сервильная партия», традиционализм, реформизм, Испания XIX в.

¹ В отечественной историографии также используется германизированная версия этого испанского имени – Фердинанд.

В странах Западной Европы процесс перехода от Старого порядка к Новому как либерально-буржуазному имел различную динамику. Не в последнюю очередь эта динамика определялась качеством наличной политической элиты, ее готовностью или неготовностью идти на радикальные либо умеренные социально-политические преобразования. Своеобразная историческая ирония заключается в том, что иногда перипетии политической борьбы приводили к тотальному поражению реформаторов, вследствие чего основное бремя реформаторской деятельности ложилось на плечи либо случайно выживших умеренных реформистов, либо принципиальных противников реформ (вплоть до радикальных традиционалистов, склонных к прямому политическому насилию). Как правило, подобные сюжеты считаются исключениями и анализируются в лучшем случае как второстепенные; между тем именно они способны обогатить понимание феномена консервативного антиреформизма как содержательно, так и методологически, осветив, возможно с неожиданного ракурса, в числе прочего и одну из главных загадок в истории консерватизма вообще: почему консерваторы на протяжении последних двухсот пятидесяти лет сдают одну позицию за другой и вынуждены включать в свой ценностный багаж то, что еще пару поколений назад считали для себя совершенно немыслимым.

Как представляется, изначально противоречивое сочетание антиреформистских убеждений с реформистской практикой в умах и делах конкретных политических субъектов может возникнуть лишь в критических обстоятельствах, когда общество находится в «точке бифуркации» и реально выбирает дальнейший вектор исторического развития. В идеале должен наблюдаться и критический разрыв между традицией и инновацией в ситуации, когда первая совершенно нерушима, а вторая – совершенно насущна. Понятно, что подобные кейсы необходимо искать где-то на периферии, во втором или третьем эшелонах развития, отличающихся от «передовиков» очевидной многоукладностью во всех сферах общественной жизни. Испания в 1814 г. – ярчайший тому пример, когда страна с равной степенью вероятности могла пойти в двух различных направлениях: либо по пути дальнейшего реформирования своей политической системы в сторону современной либеральной демократии, либо по пути полной реставрации Старого порядка. Рассмотрим данный кейс как безусловно типический для стран периферийной Европы, в которых идея либерально-буржуазного прогресса традиционно наталкивалась на серьезное сопротивление со стороны правящей элиты (для России, в частности). Тот факт, что в отечественной историографии он практически неизвестен, только добавляет ему актуальности, поскольку мы вводим в оборот новые источники, а также раскрываем содержание доселе незнакомой историографической традиции. Понятно, что в самой Испании историография традиционализма и в целом антиреформизма является широчайшей; мы возьмем лишь наиболее ярких ее представителей, определивших ключевые тенденции в интерпретации главного предмета нашего исследования – «Манифеста персов», в котором воплотились все противоречия традиционалистского мышления, обратившегося к реформаторской деятельности.

Так, весной 1814 г. в Испании завершился очередной политический цикл (из страны были изгнаны французские оккупанты, из плена вернулся Фернандо VII, политическая власть вновь оказалась в руках патриотически настроенных испанских католиков); соответственно, и проблема перспектив и направлений дальнейшего развития страны обострилась во всей полноте. Ответом на этот запрос времени озаботились сразу несколько политических групп и общественных деятелей, исповедовавших довольно различные по своему идеологическому содержанию идеи, в числе которых будущий лидер испанских либеральных консерваторов Ф. Мартинес де ла Роса (см. об этом: Pérez de la Blanca Sales 2005: 72-74) и такой провозвестник карлизма, как капуцин Р. де Велес (Vélez 1825). При этом Фернандо VII, наделенный юридически безграничными политическими полномочиями, являлся единственным политическим актором, который имел реальную возможность сделать исторический выбор и определить тем самым судьбу Испании как минимум на среднесрочную перспективу. Но мог ли этот король-традиционалист с весьма ограниченным на тот момент политическим мышлением выбрать логику развития, предложенную нетрадиционалистами, – вопрос риторический. В непосредственном плане выбор Фернандо VII в пользу традиционалистов обуславливался тем, что на всем протяжении Кадисских кортесов (1810–1813) они, объединившись в так называемую «сервильную партию», выступали в защиту *традиции* (католического *алтаря* и абсолютистского *трона*), в то время как «инновадорес» (революционно настроенные либерально-буржуазные реформисты) постоянно твердили о всевозможных *инновациях* (об отделении Церкви от государства, начав отбирать у нее землю и другую собственность и преобразуя абсолютную монархию в конституционную, в частности). Интрига и, соответственно, «точка бифуркации» возникают тогда, когда 12 апреля 1814 г. представители традиционалистской (изначально антиреформистской) «сервильной партии» предложили свой реформистский проект, зафиксированный в «Манифесте персов».

Исторически «Манифест персов» закрывает эпоху Войны за независимость и созданных вследствие ее Кадисских кортесов; его полное название – «Представление и Манифест, которые ряд депутатов очередных кортесов подписали в условиях жесточайшего преследования в Мадриде для того, чтобы Его Величество Фернандо VII при въезде в Испанию, возвращаясь из своего заточения, проникся положением нации, желанием ее провинций и мерами, которые они посчитали необходимыми» (Representación y Manifiesto... 1814)¹. «Манифестом персов» документ был назван благодаря исторической аллегории, которую использовали его авторы в начале текста, выражая верноподданнический характер своих интенций. Под «Манифестом» вслед за малоизвестным депутатом от Севильи адвокатом Б. Мосо де Росалесом, маркизом де Матафлорида, которого иногда считают главным и даже единственным его автором (см.: Fernández de la Cigoña 1976: 191-197;

¹ Здесь и далее перевод с испанского автора.

Ferrer, Tejera, Acedo 1941: 239; Suárez Verdeguer 1988: 93), поставили подписи еще 69 представителей «сервильной партии».

Концептуализируем содержание «Манифеста персов», выделив в нем две линии: антиреформистскую и прореформистскую.

Как традиционалисты-антиреформисты авторы «Манифеста», объясняя свое участие в либерально-буржуазных реформах тем, что на Кадисских кортесах «сервильная партия» находилась в явном меньшинстве и в силу этого никак не могла воспрепятствовать реформистам, легко отрекаются от всех парламентских декретов, принятых ими «за шесть лет революции» вопреки «чувствам и желаниям их провинций» (*Representación y Manifiesto... 1814: 5*). Они выражают глубокую скорбь по поводу пленения короля; это, по их мнению, стало главной причиной всех несчастий, воплощением которых явились новые политические институты, возникшие в Испании в отсутствие законного суверена. И пока патриоты «спасали свою религию, своего короля и свою Родину», местные хунты оказались возглавленными людьми, «которые ни в коем случае не пользовались поддержкой народа»; их правление было всем ненавистно (*Representación y Manifiesto... 1814: 6*). Наивысшим носителем зла была объявлена Верховная центральная хунта (сентябрь 1808 г. – январь 1810 г.), которая не только объединила в институциональном смысле все провинциальные хунты, незаконно присвоившие себе власть на местах, но и сотрудничала с французскими оккупантами (притом что многие члены ВЦХ, например, Г.М. де Ховельянос, стояли на патриотических позициях); но самое главное – она предложила создать будущие кортесы с тем, чтобы придать своим либеральным инновациям форму закона (*Representación y Manifiesto... 1814: 7-8*).

Подробно описав все дискуссии о принципах формирования кортесов, авторы «Манифеста» переходят к критике либеральной демократии. «Мы бы хотели, – пишут они, – заронить в сердца всех, как это чувствуем мы, убеждение в том, что демократия основывается на нестабильности и непостоянстве; и уже из самой ее структуры вытекают все последующие опасности» (*Representación y Manifiesto... 1814: 12*). Приверженность авторов к «стабильности» и «постоянству» выдает их ностальгию по временам Старого порядка. Главное противоречие либеральной демократии, считают они, заключается в том, что аристократия и народ, которые должны на равных входить в демократическое правительство, никогда не смогут найти общего языка, поскольку аристократия изначально всегда стремится к неравенству, а народ – к равенству. «...Они являются металлами со столь различной закалкой, что их претензии и интересы объединяются с трудом» (*Representación y Manifiesto... 1814: 12*). Выбирая между двумя «металлами», авторы встают на защиту интересов традиционалистски мыслящей аристократии, поскольку народ ассоциируется у них с либеральными революционерами. Исходя из того, что одной из целей правления вообще является социальный мир, авторы категорично утверждают: при демократии он почти недостижим, и пример Древнего Рима здесь весьма показателен. Основываясь на актуальном для них опыте парламентской деятельности, они говорят, что согласия

при столь огромном разнообразии мнений достигнуть невозможно, а «мудрые люди», которые могли бы направить национальное правительство и местные хунты в нужном направлении, в условиях «равенства власти» свое значение утрачивают (Representación y Manifiesto... 1814: 13). Так, в условиях войны многие вещи важно сохранять в секрете; те, кто о них знает, по определению нарушают принципы равенства. Кроме того, из общей массы перестают выделяться выдающиеся личности, украшающие собой общество; их равенство с остальными приводит к тому, что люди не стремятся совершать «великие подвиги». Следовательно, в условиях войны даже самое демократическое правительство должно напоминать монархию, поскольку вся армия подчиняется одному полководцу; любое нарушение этого принципа приводит «к потере целых провинций» (Representación y Manifiesto... 1814: 14). «Испания, убедившись во всех этих несообразностях, с самого начала презрела ту систему управления, в которую она вовлечена сегодня благодаря кадисским решениям» (Representación y Manifiesto... 1814: 14). Другое дело – испанские «древние» кортесы XIII–XIV вв., «прекрасные памятники верности и любви испанцев к своим монархам, памятники нашей подлинной и разумной независимости и свободы» (Representación y Manifiesto... 1814: 15). Отсюда и суждение выдающегося либерального историка второй половины XX в. М. Артолы Гальего: «Доктрина “Манифеста” соответствует классической формуле, которую выработал Фома Аквинский и обновили неосхоластики XVI в.» (Artola 1975: 206).

В целом же критика Кадисских кортесов развивалась по следующим четырем линиям:

1. Прежде всего, это проблема неадекватности политического представительства: поскольку осажденный Кадис был почти полностью (относительно стабильными оставались лишь морские коммуникации) оторван от оккупированных французами испанских провинций, то под сомнением оказались полномочия некоторых (их число не уточняется) депутатов. При этом ряд депутатов, представлявших испанские колонии в Америке, выбирались вообще без всяких правил и иногда лишь теми жителями колоний, которые по торговым делам находились на тот момент в Кадисе. В итоге «кортесы, созываемые королем, которые в древности включали ограниченное число поселений (чьи представители имели широкий круг полномочий), теперь состояли из почти двухсот человек, которые являли собой народный конфуз» (Representación y Manifiesto... 1814: 18-19).

2. Принципиальные разногласия между либералами и традиционалистами прослеживаются и по вопросу о власти, или о суверенитете нации и короля. Так, либералы, объявившие себя законными представителями всей испанской нации, присвоили себе все необходимые властные полномочия уже в первом декрете кортесов, объяснив это объективной неспособностью короля реализовать свое право на власть. Традиционалисты, неизменно защищавшие суверенитет Фернандо VII, восприняли действия либералов как дерзкую попытку лишить короля власти вообще (см.: Representación y Manifiesto... 1814: 19-20).

3. Авторы «Манифеста» ставят перед Фернандо VII проблему политических прав «заморских вассалов», которые на кортесах были уравнены с правами жителей метрополии. В этом традиционалисты увидели открытое подстрекательство жителей колоний к мятежу, прямо ведущему к обретению ими собственного суверенитета (*Representación y Manifiesto...* 1814: 18-19) и, соответственно, независимости. Впрочем, в «Манифесте» слово «независимость» не было использовано ни разу, поскольку на тот момент подобного исхода не допускал для себя никто; до завершения первого цикла национально-освободительного движения в Латинской Америке (1825) оставалось еще целых одиннадцать лет.

4. Авторы «Манифеста» предельно негативно оценили результаты введенной кортесами свободы печати, в чем проявилась их склонность к «про-тоавторитаризму». Либералы, полагавшие себя апологетами этой свободы, видели в ней «отмену субординации» и отказ от политического преследования «добрых вассалов» (см.: *Representación y Manifiesto...* 1814: 20-21); традиционалисты посчитали, что истинной целью свободы слова является «распространение на каждом шагу бунтарских и революционных бумаг, написание бесстыдных сочинений против самых почитаемых таинств нашего религиозного откровения, высмеивание его для утверждения максим, столь часто осуждавшихся Церковью, и разрыв между авторитетными суждениями наследника святого Павла и языком, чего никогда не могла потерпеть испанская нация, пока ее обычаи не были разрушены подобными инновациями» (*Representación y Manifiesto...* 1814: 21). При этом отдельно оговаривались угрозы, связанные с распространением свободы печати в Латинской Америке (*Representación y Manifiesto...* 1814: 21). Постатейного анализа удостоилась и Конституция 1812 г., создатели которой «слепо подражали (законодателям. – Ю.В.) французской революции» (*Representación y Manifiesto...* 1814: 43). «Гордыня этой ложной философии, – повторяют авторы «Манифеста» своих идеологических предшественников-традиционалистов конца XVIII–начала XIX вв., – получившей триумф за границей, распространялась и на то, чтобы похоронить нашу героическую нацию, погрузив в сумерки даже имя нашего обожаемого Фернандо» (*Representación y Manifiesto...* 1814: 48).

Осудив Кадисские кортесы, авторы «Манифеста» осмеливаются напомнить «обожаемому» Фернандо VII, что созыв кортесов – это еще и древняя испанская традиция, для чего совершают экскурс в историю вплоть до XIII в. При этом главный упор делается не на народном представительстве, что могло бы подчеркнуть примитивно-демократический характер средневековых сословно-представительных органов, а на инициативе короля при их созыве, из чего после 1522 г. выводилась уже и абсолютная власть испанских монархов XVI–XVIII вв., которые «пользовались всеми прерогативами суверенитета и объединяли в себе исполнительную власть и законодательный приоритет» (*Representación y Manifiesto...* 1814: 54). Кортесы же превращались в исключительно совещательный орган. Апологетика абсолютной монархии выражается прямо: «Абсолютная монархия... является результатом работы разума и интеллигентности; она

подчинена Божественному закону, справедливости и фундаментальным правилам государства: она была установлена по праву завоевания или через добровольное подчинение первых людей, которые избрали своего короля» (*Representación y Manifiesto...* 1814: 66). «Самые мудрые политики, – уверены авторы, – предпочитали абсолютную монархию любым другим формам правления» (*Representación y Manifiesto...* 1814: 67). Из той же философии права ведут свое происхождение и средневековые *фуэросы* различных провинций (*Representación y Manifiesto...* 1814: 72).

Вместе с тем, уже как реформисты, авторы «Манифеста персов», апеллируя к средневековым кортесам, берут на себя смелость предложить Фернандо VII ряд «реформ», направленных на постреволюционное упорядочивание политической системы и на усиление абсолютной власти короля. Так, первоначально Фернандо VII предложили самому возглавить правительство. Полагая, что эта мера «сделает правительство более солидной системой, которая спасет Испанию» (*Representación y Manifiesto...* 1814: 71), авторы не осознавали, что в перспективе эта система ведет к «протоавторитаризму». Далее, «во имя лучшего порядка в Испании» они просили созвать новые кортесы, благодаря чему либерально-буржуазная демократия получала, казалось бы, в Испании новый шанс; впрочем, ее тут же и ограничивали, поскольку избирательная система выстраивалась исключительно в соответствии с древними – средневековыми – традициями, а цель новых кортесов была и вовсе реакционная: отменить все решения Кадисских кортесов, и в первую очередь либерально-буржуазную Конституцию 1812 г., поскольку формально она действительно «не была апробирована ни Его Высочеством, ни провинциями» (*Representación y Manifiesto...* 1814: 74).

В конечном итоге Фернандо VII внял просьбам авторов «Манифеста» и декретом от 4 мая 1814 г. аннулировал все решения Кадисских кортесов, включая Конституцию 1812 г., не созывая больше никаких кортесов вообще. «Точка бифуркации» разрешилась в пользу абсолютистской реакции и реставрации Старого порядка.

Таким образом, «Манифест персов» содержит и прореформистские, и антиреформистские положения, откуда и возникает проблема (и теоретическая, и впоследствии историографическая), вокруг которой выстраиваются все значимые интерпретации «Манифеста»: сторонниками какой формы монархического правления в действительности являлись его авторы? Сословно-представительной, за которой скрывался слабый намек на конституционную (и тогда они пусть и умеренные, но реформисты), или абсолютной (тогда они однозначно антиреформисты)? Понятно, что более всего данный вопрос волновал традиционалистов, которых на протяжении XIX–XX вв. постоянно обвиняли в (той или иной степени) реакционности и склонности к установлению различных диктаторских режимов. В целом же данный вопрос оказался настолько сложен, что, по словам карлиста В. Марреро Суареса (вторая половина XX в.), «Манифест» «долго и почти всегда интерпретировался плохо» (Marrero 1955: XXXI). Что примечательно, чистых сторонников абсолютистской интер-

претации в испанской историографии практически не существует, кроме творцов сугубо идеологического и в этом смысле внеисторического «либерального мифа» (Fernández de la Cigoña 1976: 198), который сложился в рамках левой традиции XIX – начала XX в. К их числу относятся прежде всего М. Лафуенте-и-Самальоа и Э. Чао Фернандес (см.: Pasamar Alzuria, Peiró Martín 2002: 346-347, 186-187). Придерживаясь данной традиции, социал-демократ Х. Эрреро Саура предлагает уже более умеренный вариант, притом что для него авторы «Манифеста» в любом случае унаследовали «общий язык антипросветительского и антиреформистского мышления» (Herrero 1973: 339).

В целом прореформистская (ее также можно назвать и умеренно-реформистской или умеренно-традиционалистской) трактовка содержания «Манифеста» оказывается в историографии вопроса господствующей. Проанализируем более подробно аргументы и выводы наиболее выдающихся интерпретаторов, олицетворяющих собой определенную эпоху в развитии испанского традиционализма, относительно того, кем были авторы «Манифеста персов» в конечном счете – антиреформистами или реформистами?

Основоположником прореформистской интерпретации можно назвать традиционалиста середины XIX в. Х.Л. Бальмеса-и-Урпию, который в статье 1846 г. «Экспозиция “персов”», провел почти прямые параллели между авторами «Манифеста» и либерально-консервативным крылом партии «модерадос», возглавляемой генералом Р.М. Нарваэсом-и-Кампосом, указав на их единство в таких вопросах, как «значение древних Кортесов», «свободы печати», «пакт между нацией и королем», «независимость депутатов», «чистые конституционные» доктрины, права «судебной администрации» и отношение к абсолютизму (Balmes 1926: 61-79).

Для традиционалиста второй половины XIX – начала XX в. М. Менендеса-и-Пелайо «никогда не представлялось более благоприятного случая (чем в 1814 г. – Ю.В.) для консолидации в Испании отличной или, по крайней мере, сносной политической системы, в рамках которой дискретно бы восстанавливались отечественные древние законы, привилегии и свободы, исправлялось бы все, что необходимо реформировать, учитывая позитивный опыт других наций, и это не отрицали бы даже те, кто сомневается в том, что никогда больше Церковь, трон и народ не были так едины, как в 1814 году» (Menéndez y Pelayo). Однако прореформистские интенции авторов «Манифеста» натолкнулись на «извращенную натуру Фернандо VII, лживого, мстительного и плохо распоряжающегося своей властью, которую, используя самые низкие средства, он желал сохранить неприкосновенной, и с помощью тривиального макиавеллизма сознательно противопоставить одних своих подданных другим, заставляя их постоянно колебаться между надеждой и страхом» (Menéndez y Pelayo).

Историки-карлисты первой половины XX в. М. Феррер Дальмау, Д. Техера де Кесада и Х.Ф. Аседо Кастилья продолжают ту же линию: «Значимо, что документ содержал реформистские тенденции, пусть и очень умеренные» (Ferrer, Tejera, Acedo 1941: 239); по их мнению, политико-институциональный

идеал авторов «Манифеста» – «традиционная умеренная монархия» (Ferrer, Tejera, Acedo 1941: 268).

Современную прореформистскую интерпретацию «Манифеста» формулируют в середине XX в. наваррские традиционалисты из «Opus Dei» – выдающийся историк Ф. Суарес Вердегер и его ученица М.К. Дис-Лоис.

Суарес Вердегер резко выступает против того, чтобы называть авторов «Манифеста» абсолютистами, поскольку «они заявили себя сторонниками реформ, которые не принял бы ни один Бурбон XVIII в.» (Suárez Verdeguer 1988: 98). При этом их принципиальное идейно-ценностное отличие от кадисских либералов и их философско-мировоззренческого патрона Ж.-Ж. Руссо заключалось в том, что «они брали в расчет не человека, а испанца» (Suárez Verdeguer 1988: 99); «отсюда и реформы авторов манифеста обладали исключительно испанским характером» (Suárez Verdeguer 1988: 100). Не будучи либералами, изначально нацеленными на прямое заимствование прогрессивной иностранной политической системы, авторы не стали копировать конституцию, написанную французскими революционерами, а создали нечто равное по своим масштабам Кадисской конституции, сделав упор на «политическую конституцию, которую кастильские короли выработали вместе с древними кортесами» (Suárez Verdeguer 1988: 100). Политическая система, существовавшая во времена средневековой сословно-представительной монархии, была, по их мнению, способна избавить Испанию от «министерского деспотизма», исправить дефекты правовой системы, урегулировать налогообложение, создать новую армию, обеспечить национальную безопасность и территориальную целостность страны, урегулировать церковные вопросы (Suárez Verdeguer 1988: 101-102). Их единственная ошибка заключалась в том, что они, не проявив никакой настойчивости в своих законных требованиях, просто доверились слову короля, который их обманул (Suárez Verdeguer 1988: 103).

В 1967 г. Дис-Лоис впервые в испанской историографии посвящает «Манифесту» полноценное исследование (см. об этом: Fernández de la Cigoña 1976: 180-187), не только расширяя тематику и конкретизируя интерпретацию Суареса Вердегера, но и превращая ее из прореформистской в сугубо реформистскую. «По существу позиция Суареса может свестись к следующим пунктам, – пишет она. – Манифест был далек от того, чтобы быть, как утверждалось до сих пор, реакционным и абсолютистским документом... он является документом реформистским» (Diz-Lois 1967: 11). Фундируя свою интерпретацию, Дис-Лоис приводит суждения ряда выдающихся историков, в частности немецкого испаниста Г. Юречке Мейера, который отмечает: «Суарес отражает реальную ситуацию, настаивая на реформистских элементах испанского традиционализма и его конструктивной программе. Они (авторы «Манифеста». – Ю.В.) не были просто реакционерами» (цит. по: Diz-Lois 1967: 12-13). В том же духе, подчеркивает Дис-Лоис, высказываются и такие испанские классики-нетрадиционалисты, как Л. Санчес Ахеста, М. Артола Гальего и Ф. Мурильо Ферроль (Diz-Lois 1967: 13-14). Вместе с тем, оговаривается Дис-Лоис, сетуя на «ошибочную и двусмысленную терминологию», «в отношении содержания («Манифеста». – Ю.В.) в равной степени

можно утверждать, что его роялистский характер¹ также не был подвергнут сомнению» (Diz-Lois 1967: 39). Говоря об источниках «Манифеста», Диз-Лоис указывает работы французского традиционалиста XVII в. Ж.-Б. Боссюэ и трех испанских консерваторов конца XVIII – начала XIX в.: традиционалиста А. Капмани Суриса-и-де Монта Палау и двух провозвестников либерального консерватизма – Ф.Х. Мартинеса Марину и Ховельяноса (Diz-Lois 1967: 137-163).

В том же духе выстраивает свои аргументы и испанский экономист, адвокат и известный католический колумнист-традиционалист Ф.Х. Фернандес де ла Сигонья, сводя политико-институциональную модель «Манифеста» к формуле «либеральной диктатуры» (Fernández de la Cigoña 1976: 214-221). Данную формулу применительно к генералу Нарваэсу еще в 1953 г. использовал испанский историк-франкист А. Ревеш (Révész 1953). Основная же идея авторов «Манифеста», с точки зрения Фернандеса де ла Сигоньи, заключалась в «отказе от гнетущей либеральной ситуации и программе умеренной монархии посредством социального представительства» (Fernández de la Cigoña 1976: 235).

Таким образом, прореформистский характер выраженной в «Манифесте персов» традиционалистской доктрины проявился не столько в идее созыва кортесов с целью осуществления последующих реформ, сколько в том, что на практике его авторы предпочли апеллировать к королю как традиционному носителю властного суверенитета, а не взялись за оружие для свержения либеральной партии и Нового порядка в целом, на что были готовы некоторые радикальные традиционалисты, уже на Кадисских кортесах предлагавшие реставрировать инквизицию, а после смерти Фернандо VII и карлисты. Имея весьма мягкую программу реформирования средневековой политической системы, поднятую уже современными традиционалистами, включенными в политические структуры Нового порядка, «на щит», авторы «Манифеста» закономерно были вынуждены признать и необходимость политических репрессий, проведенных Фернандо VII не только против их главных оппонентов на Кадисских кортесах (революционно настроенных либералов), но и в отношении тактических союзников из лагеря умеренных либералов (будущих либеральных консерваторов из партии «модератос»). Исторический парадокс заключался в том, что в 1816 г. королем была распущена за ненадобностью и сама «сервильная партия», вследствие чего главный автор «Манифеста» Мосо де Росалес, пережив ряд разочарований в Фернандо VII то ли как в потенциальном реформисте, то ли как в радикальном антиреформисте, закончил свои дни в 1832 г. во французской ссылке в рядах той политической группы, представители которой в дальнейшем присоединились к наиболее радикальной части карлистов, породив тем самым новый виток дискуссий – уже о прореформистском

¹ Современный американский филолог и историк А. Вильгельмсен из университета Далласа корректирует интерпретацию наваррских традиционалистов, утверждая синонимичность понятий «роялисты» и «реновадорес» (Wilhelmsen 1979: 142), то есть как умеренных реформистов, которых в идеологическом плане также можно назвать и потенциальными либеральными консерваторами.

характере идеологической доктрины карлизма. Так или иначе, «точка бифуркации» разрешилась для него в неблагоприятном направлении.

Дело в том, что в 1826 г. радикальные традиционалисты, готовящиеся передать власть младшему брату Фернандо VII (будущему дону Карлосу), написали еще один политический манифест («Манифест, который направляет испанскому народу Федерация чистых роялистов о положении нации и о необходимости возвести на трон безмятежнейшего сеньора инфанта дона Карлоса» (Manifiesto...)). В этом манифесте они напомнили Фернандо VII о «Манифесте персов» и о не выполненных им обещаниях реформ, верифицируя тем самым все представленные выше прореформистские интерпретации (от Бальмеса до Фернандеса де ла Сигоньи): главное, о чем просили тогда члены «сервильной партии», – созыв «древних кортесов» (Manifiesto...). Это позволило бы избежать многих ошибок, приведших к «либеральному трехлетию» 1820–1823 гг. и к тому, что Испания оказалась в «самой жалкой ситуации: при отсутствии ресурсов из-за всеобщего беспорядка в публичной администрации; без кредитов; без моральной силы и, в конце концов, в самом совершенном организационном хаосе и анархии» (Manifiesto...). Возмущению «Федерации чистых роялистов» не было предела: «Подобная аморальность и низость не может быть присуща ни одному человеку; однако необходимо заявить: Фернандо Седьмой – не человек, он жестокий монстр, он самый подлый из всех человеческих существ; он трус... он самое большое несчастье нашей несчастной родины!» (Manifiesto...). Спасение они видели лишь в одном – «объединиться вокруг Трона и Церкви». «Наш план, – пишут они, – есть не что иное, как спасение религии, Церкви, Трона и государства» (Manifiesto...). Для этого должен будет «отречься от трона тупой и преступный Фернандо Бурбон» (Manifiesto...). Пообещав «победить или умереть за Святое дело», они передают суверенитет в руки Его Высочества сеньора дона Карлоса V: «...потому что добродетели этого выдающегося принца, его известный всем характер и великодушие, его огромная приверженность к клиру и Церкви – это гарантии того, что Испания под его мягким владычеством и отцовским покровительством превратится в царство милосердия, процветания и успеха» (Manifiesto...). Излишне говорить, что ни дон Карлос, ни его потомки, унаследовавшие лидерство в карлистском движении, надежд, возлагаемых на них, скажем так, «сервильными реформистами», не оправдали.

Определенный историко-политический урок, преподанный авторами «Манифеста персов» и их прямыми последователями из «Федерации чистых роялистов» – и не только испанской политической элите, занятой построением в своей стране современной либеральной демократии, – заключался в том, что невозможно до бесконечности быть одновременно и носителем сервильной – совершенно верноподданнической – ментальности, заставляющей слепо следовать в фарватере наделенного безграничными полномочиями политического лидера, и реформистом, вольно или невольно стремящимся в исторической перспективе к ограничению этих полномочий. Рано или поздно история потребует сделать окончательный выбор; тем более что в 1820–1823 гг. Фернандо VII, сдавшись под напором

восставших с оружием в руках либералов, сам был вынужден совершить неожиданный для себя маневр и сделать вид, что сознательно и с огромным желанием идет по пути либерально-буржуазных реформ (что, впрочем, совсем не помешало ему спустя три года потопить революционное движение к крови руками французских интервентов). Это в итоге и становится одной из причин, почему, как мы увидели из дискуссий вокруг доктринального содержания «Манифеста», история по праву оценила именно прореформистскую интенцию его авторов, предав фактически забвению реакционную часть предложенной ими политической программы, тактично скрыв принципиальное для понимания данного феномена обстоятельство: ситуация была доведена до такой крайности, что даже верноподданные противники реформ выступили против короля-антиреформиста, внося тем самым существенный вклад в развитие изначально противоречивого понятия традиционалистского реформизма. И лишь по прошествии нескольких десятилетий немногие оставшиеся в живых авторы «Манифеста» поняли, что последовательный традиционалистский реформист перестает быть традиционалистом. Помимо всего прочего, данный – периферийный – кейс позволяет выявить еще один источник зарождающегося в европейских странах, в том числе и в России, консерватизма: получается, что консерваторы – это не только противники либерально-буржуазной модернизации, но и традиционалисты, становящиеся в определенных обстоятельствах ее сторонниками.

В перспективе прореформистская составляющая традиционалистской доктрины будет использована уже либеральными консерваторами (например, в конце XIX в. – А. Кановасом дель Кастильо и в начале XX в. – А. Маурой-и-Монтанером) для укрепления в Испании конституционной монархии, но не революционными средствами, как это делали на всем протяжении XIX в. либералы, а эволюционными, посредством того, что в дальнейшем будет обозначено такими же противоречивыми понятиями, как «революция сверху» и «консервативная революция».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Artola M. 1975. Partidos y programas políticos (1808–1936). T. 2 : Manifiestos y programas políticos. Madrid : Aguilar. 531 p.
- Balmes J. 1926. La exposición de los «Persas» // Balmes J. Escritos políticos. Barcelona : Biblioteca Balmes. T. 9: El matrimonio real desenlace (mayo-septiembre de 1846). P. 61-79.
- Diz-Lois M.C. 1967. El Manifiesto de 1814. Pamplona : Ediciones de la Universidad de Navarra. 285 p.
- Fernández de la Cigona F.J. 1976. El pensamiento contrarrevolucionario español: El Manifiesto de los «Persas» // Verbo. № 141-142. P. 179-258.
- Ferrer M., Tejera D., Acedo J.F. 1941. Historia del Tradicionalismo Español. T. 1. El pensamiento español desde los tiempos de San Isidoro hasta la sublevación masónica de 1820. Sevilla : Trajano. 324 p.
- Herrero J. 1973. Los orígenes del pensamiento reaccionario español. Madrid : Cuadernos para el Dialogo. 411 p.

Manifiesto que dirige al pueblo español una Federación de realistas puros, sobre el Estado de la nación y sobre la necesidad de elevar al trono al serenísimo Señor Infante Don Carlos. URL: <http://www.uv.es/ivorra/Historia/SXIX/Realistas.html> (дата обращения: 25.05.2019).

Marrero V. 1955. Prólogo // El tradicionalismo español del siglo XIX. Madrid : Espasa Calpe. P. I-XXXI.

Menéndez y Pelayo M. Historia de los heterodoxos españoles. Libro 7. Cap. 3: La heterodoxia durante el reinado de Fernando VII. I. Trabajos de las sociedades secretas desde 1814 a 1820. URL: http://www.cervantesvirtual.com/obra-visor/historia-de-los-heterodoxos-espanoles/html/fee78e52-82b1-11df-acc7-002185ce6064_88.html#I_302_ (дата обращения: 25.05.2019).

Pasamar Alzuria G., Peiró Martín I. 2002. Historiadores españoles contemporáneos (1840–1980). Madrid : Akal. 699 p.

Pérez de la Blanca Sales P. 2005. Martínez de la Rosa y sus tiempos. Barcelona : Ariel. 495 p.

Representación y Manifiesto que algunos diputados a las Cortes ordinarias firmaron en los mayores apuros de su opresión en Madrid para que la Majestad del Sr. D. Fernando el VII a la entrada en España de vuelta de su cautividad, se penetrase del estado de la Nación, del deseo de sus provincias, y del remedio que creían oportuno. 1814. Cadiz : En la oficina de don Nicolas. 84 p.

Révesz A. 1953. Un dictador liberal: Narváez. Biografía. Madrid : Aguilar. 261 p.

Suárez Verdeguer F. 1988. La crisis política del Antiguo régimen en España (1800–1840). Madrid : Rialp. 287 p.

Vélez R. de. 1825. Apología del Altar y del Trono ó Historia de las reformas hechas en España en tiempo de las llamadas Cortes, é impugnación de algunas doctrinas publicadas en la Constitución, diarios y otros escritos contra la religión y el Estado. En 2 vols. Madrid : Imprenta de Repullés.

Wilhelmsen A. 1979. El «Manifiesto de los persas»: una alternativa ante el liberalismo español // Revista de estudios políticos. Nº 12. P. 141-162.

Yuri V. Vasilenko, National Research University «Higher School of Economics»– Perm, Perm, Russia. E-mail: yuvasil@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-7865-6497
ResearcherID: M-5692-2015
SPIN-код: 3073-3627
AuthorID: 223012

Article received 27.05.2019, accepted 14.07.2019, available online 07.10.2019

“MANIFEST OF THE PERSIANS”, OR LOYALISTS BETWEEN TRADITIONALISM AND REFORMISM

Abstract. At the beginning of the 19th century, the transition from the Ancient Order to the New as liberal-bourgeois one in Spain first began to be carried out in the Cadiz Cortes by two political forces: revolutionary-minded liberals and moderate liberals (future “*moderados*”). The end of the War of Independence in 1814 and the return of the traditionalist-minded king Fernando VII created a “bifurcation point” from the resolution of which depended the further development of Spain for the medium term:

either continuation of reforms or restoration of the Ancient Order. At the same time, the reformist impulse of Cadiz Cortes was so strong that even representatives of the initially traditionalist “servile party” formulated the so-called “Manifesto of the Persians”, which along with loyal feelings for the king offer a number of moderate political and institutional reforms. Despite the crushing failure of this project, Spanish historiography assessed the Manifiesto as epochal and generally constructive: while left-wing historians always saw in it only a manifestation of an anti-revolutionary reaction, traditionalist historians, on the contrary, starting from the middle of the 19th century emphasized its pro-reformist intentions.

Keywords: “Manifiesto of the Persians”; “servile party”; traditionalism; reformism; XIXth century Spain.

For citation: Vasilenko Y. “Manifest persov”, ili Vernopoddannye mezhdru tradicionalizmom i reformizmom [“Manifest of the Persians”, o the loyalists between traditionalism and reformism], *Antinomii = Antinomies*, 2019, vol. 19, iss. 3, pp. 84-98. DOI 10.24411/2686-7206-2019-10004.

References

Artola M. *Partidos y programas políticos (1808–1936). T. 2: Manifiestos y programas políticos* [Political parties and programs (1808–1936). Vol. 2: The Manifests and political programs], Madrid, Aguilar, 1975, 531 p. (in Spanish).

Balmes J. *La exposición de los «Persas»* [The exposition of the «Persians»], *Balmes J. Escritos políticos*, Barcelona, Biblioteca Balmes, 1926, vol. 9, pp. 61-79. (in Spanish).

Diz-Lois M.C. *El Manifiesto de 1814* [The Manifiesto of 1814], Pamplona, Ediciones de la Universidad de Navarra, 1967, 285 p. (in Spanish).

Fernández de la Cigoña F.J. *El pensamiento contrarrevolucionario español: El Manifiesto de los «Persas»* [Spanish counterrevolutionary thinking: The Manifiesto of the «Persians»], *Verbo*, 1976, no. 141-142, pp. 179-258. (in Spanish).

Ferrer M., Tejera D., Acedo J.F. *Historia del Tradicionalismo Español. T. 1* [History of Spanish Traditionalism, vol. 1], Sevilla, Trajano, 1941, 324 p. (in Spanish).

Herrero J. *Los orígenes del pensamiento reaccionario español* [The origins of Spanish reactionary mind], Madrid, Cuadernos para el Dialogo, 1973, 411 p. (in Spanish).

Manifiesto que dirige al pueblo español una Federación de realistas puros, sobre el Estado de la nación y sobre la necesidad de elevar al trono al serenísimo Señor Infante Don Carlos [Manifiesto that a Federation of pure realists directs to the Spanish people on the State of the nation and on the need to elevate the serenissimo Señor Infante Don Carlos to the throne], available at: <http://www.uv.es/ivorra/Historia/SXIX/Realistas.html> (accessed May 25, 2019). (in Spanish).

Marrero V. *Prólogo* [Foreword], *El tradicionalismo español del siglo XIX*, Madrid, Espasa Calpe, 1955, pp. I-XXXI (in Spanish).

Menéndez y Pelayo M. *Historia de los heterodoxos españoles. Libro Séptimo. Capítulo III: La heterodoxia durante el reinado de Fernando VII. I. Trabajos de las sociedades secretas desde 1814 a1820* [History of the heterodox Spaniards. Book Seven. Chapter III: The heterodoxy during the reign of Ferdinand VII. I. Works of secret societies from 1814 to 1820], available at: http://www.cervantesvirtual.com/obra-visor/historia-de-los-heterodoxos-espanoles/html/fee78e52-82b1-11df-acc7-002185ce6064_88.html#I_302_ (accessed May 25, 2019). (in Spanish).

Pasamar Alzuria G., *Peiró Martín I. Historiadores españoles contemporáneos (1840–1980)* [Contemporary Spanish historians (1840–1980)]. Madrid, Akal, 2002, 699 p. (in Spanish).

Pérez de la Blanca Sales P. *Martínez de la Rosa y sus tiempos* [Martínez de la Rosa and his times], Barcelona, Ariel, 2005, 495 p. (in Spanish).

Representación y Manifiesto que algunos diputados a las Cortes ordinarias firmaron en los mayores apuros de su opresión en Madrid para que la Majestad del Sr. D. Fernando el VII a la entrada en España de vuelta de su cautividad, se penetrase del estado de la Nación, del deseo de sus provincias, y del remedio que creían oportuno [Representation and Manifesto that some deputies of the ordinary Cortes signed in the greatest straits of their oppression in Madrid in order to His Majesty D. Fernando the VII, entering into Spain back from his captivity, penetrated in the state of the Nation, in the desire of their provinces, and in the remedy they thought appropriate], Madrid, En la oficina de don Nicolas, 1814, 84 p. (in Spanish).

Révesz A. *Un dictador liberal: Narváez. Biografía* [A liberal dictator: Narvaez. Biography], Madrid, Aguilar, 1953, 261 p. (in Spanish).

Suárez Verdeguer F. *La crisis política del Antiguo régimen en España (1800–1840)* [The political crisis of the Ancient order in Spain (1800–1840)], Madrid, Rialp, 1988, 287 p. (in Spanish).

Vélez R. de. *Apología del Altar y del Trono ó Historia de las reformas hechas en España en tiempo de las llamadas Cortes, é impugnación de algunas doctrinas publicadas en la Constitución, diarios y otros escritos contra la religión y el Estado. En 2 vols.* [Apology of the Altar and the Throne or History of the reforms made in Spain at the time of the so-called Cortes, and the challenging of some doctrines published in the Constitution, newspapers and other writings against religion and the State, in 2 vols.], Madrid, Imprenta de Repullés, 1825. (in Spanish).

Wilhelmsen A. *El «Manifiesto de los persas»: una alternativa ante el liberalismo español* [«Manifesto of the Persians»: an alternative to Spanish liberalism], *Revista de estudios políticos*, 1979, no. 12, pp. 141–162. (in Spanish).